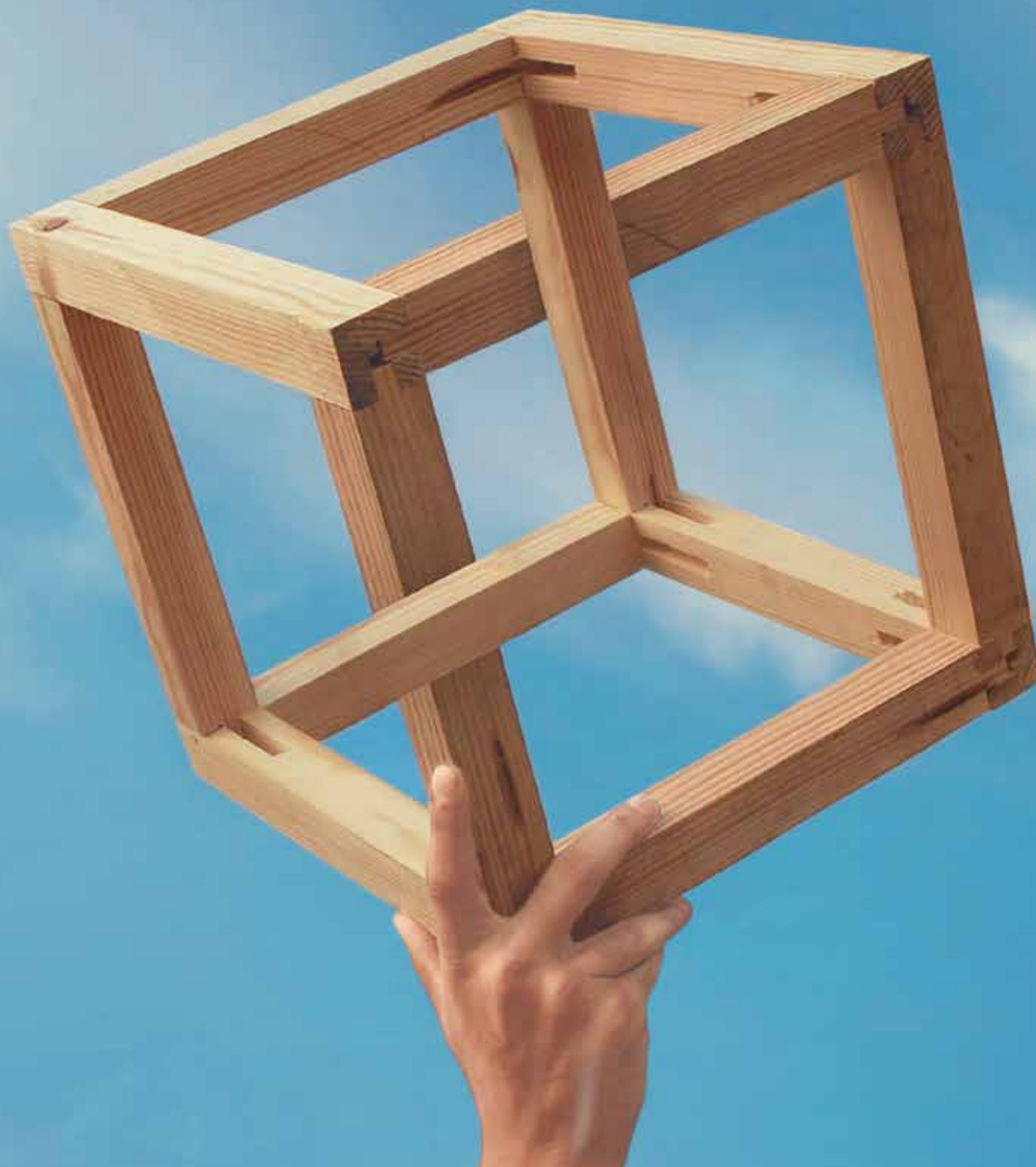

Со́крáт

журнал современной философии

СЕНТЯБРЬ
2016

**ИЗМЕРЕНИЯ
НАУКИ**

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Козырев. Как измерить науку?.....6

I. ГЛАВНАЯ ТЕМА

Владимир Миронов. Наукометрия как разновидность безумия.....8

Александр Оносов, Сергей Туманов, Наталья Савина. Реформа науки и наукометрия в пространстве общественного восприятия.....12

II. ТОПОСЫ

Алексей Паршин. Можно ли сопротивляться вторжению библио- и прочей метрики? И если да, то как?.....22

Олег Кильдюшов. От семи мудрецов до индекса Хирша: как посчитать философскую мысль и чем это чревато.....28

Людмила Воропай. Scopus и все-все-все: об академических карго-культурах, сопутствующем ущербе и незатейливости менеджерского разума.....32

Лада Шитовалова. Значение критики измерений науки.....38

III. ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Михаил Богатов. «С наукой что-то пошло не так».....42

Дагмар Миронова. Сциентометрия как разновидность наукометрии: немецкий опыт.....48

Игорь Филиппов. Читают ли российских ученых-гуманитариев за рубежом? Заметки медиевиста.....52

IV. НАСЛЕДИЕ

Александр Куланов. Рафаил Кёбер — homo universum японской школы философии.....58

Хироюки Хоризэ. Кёбер и его дело.....64

Нацумэ Сосэки. Учитель Кёбер.....70

Алексей Козырев. «Община людей, разочарованных жизнью». Письма Рафаила Кёбера к П.И. Чайковскому.....74

V. ОБЩЕСТВО

Василина Сидорова. Гуманитарий и общество: в ответе ли мы?.....80

Александр Михайловский. Онтология фандрайзинга.....86

Александр Оносов, Сергей Туманов, Наталья Савина. Статус и престиж науки в массовом сознании.....92

VI. ИНТЕРВЬЮ

Ненадежные цифры. Интервью с Сергеем Юрьевичем Егоровым.....102

Науке необходим критический подход. Интервью с Игорем Анатольевичем Михайловым.....114

VII. СЕТЬ

Александр Оносов, Сергей Туманов, Наталья Савина. Наука и общественный статус ученого в современной России: дискуссия на полях социальных сетей.....122

Анна-Франсуаза Шмид: «Новые идеи появляются в весьма средних журналах».....132

Мнения. Драгомир Давидович. Сергей Зенкин.....134

VIII. КУЛЬТУРА

Николай Щипков. Жестокость прирученная, или Искушение насилием. Заметки на полях Венецианского кинофестиваля.....136

IX. КАТАЛОГ

Нина Пеньяфлор. Университета в России не было никогда.....140

Олег Кильдюшов. Зачем нужны университеты?.....142

Нина Пеньяфлор. Безыдейность и бесчисленность.....144

Медаль, вручаемая лауреату Нобелевской премии

Редакционный совет

А. А. Гусейнов, А. В. Захаров, А. В. Логинов,
В. В. Миронов, А. М. Руткевич

Редакция

Главный редактор
Алексей Козырев

Экономика и социология

Виталий Седнев

Политика и общество

Олег Кильдюшов

Современная философия

Тимофей Дмитриев

Образование и Провинция

Василий Ванчугов

Классическая философия и филология

Александр Михайловский

Библиосфера, Интернет и блогосфера

Роман Кисурин

Дизайн-проект журнала

Максим Ксута

Дизайн обложки номера

Роман Кисурин

Подготовка материалов и оформление номера

Алексей Козырев, Роман Кисурин

Верстка

Евгения Голубева

Корректор

Светлана Борисова

Производство

Антон Наумук

Издание и распространение журнала.

Научно-издательский центр «Сократ»

Тел. +7 (495) 939 2807

www. socrat-online.ru

e-mail: a.kozyrev@bk.ru

Разработка концепции журнала: Александр Захаров,
Алексей Козырев, Андрей Логинов, Иван Фомин

Тираж 500 экз.

Перепечатка материалов журнала «Сократ» невозможна без письменного разрешения редакции. При цитировании ссылка на журнал «Сократ» обязательна. Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-43798 от 27 января 2011 г. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

© «Сократ» 2016

Специализированный номер журнала подготовлен в рамках гранта Президента РФ «Общественный статус ученого и наукометрическая оценка научной деятельности». При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Джон Кэмерон. Философ в экстазе, 1828 г.

НАУКЕ НЕОБХОДИМ КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Со старшим научным сотрудником Института философии Российской академии наук, кандидатом философских наук Игорем Анатольевичем Михайловым беседует Нина Пеньяфлор Расторгуева.

Н.В. Пеньяфлор Расторгуева: Считаете ли вы, что сейчас назрела необходимость в пересмотре подходов к оценке научной деятельности?

И.А. Михайлов: Трудный вопрос. Мы должны постоянно иметь в виду, что в последние 3–5 лет нам это навязывают. О необходимости оценки научной деятельности мы постоянно слышим от Министерства образования и науки. На мой взгляд, Министерство действует в соответствии с каким-то собственным видением ситуации. Цель совершенно не обязательно состоит в углублении и расширении научных исследований. Скорее, реализуют неясно откуда полученные представления о том, как следует строить науку. Постоянная коррекция подходов к науке происходила и будет происходить всегда, но никоим образом ни в том виде, в котором нам это сегодня предлагают. Когда мы говорим об оценке научной деятельности, всегда следует помнить о том, кто является ее субъектом. Сейчас пытаются ввести в обиход и закрепить практику оценки науки со стороны тех, кто в ней несведущ. Нужно, чтобы науку мог оценивать «всякий чиновник». Но почему, собственно? Особенно если предложить он не может ничего, кроме ис-

пользования количественных и формальных показателей. Похоже, выход здесь только один: необходимо, чтобы научное сообщество становилось все более и более зрелым, отстаивало альтернативные подходы к оценке собственной деятельности¹.

Однако универсально приемлемые критерии сложно найти не только в обществе, но и в пределах одной дисциплины. В качестве примера можно взять хотя бы различия в идеалах и нормах, которым следуют различные поколения. В философии сейчас происходит их смена. Я это вижу по людям, которые успешно и плодотворно работали в науке, еще когда я был аспирантом. Ученые, внесшие значительный вклад в отечественную науку, сейчас выходят на пенсию или даже уходят из жизни. Это люди, сделавшие философию в нашей стране тем, чем она сегодня является. Многие из них и сегодня работают так, что это может послужить примером для молодых. Однако возраст берет свое. С уходом старшего поколения постепенно сокращается количество исследователей, которые могут их заменить в науке. Заметный перерыв в притоке кадров приходится на начало — середину 1990-х гг. В результате на поколение, которому сейчас за 60, приходится более половины всех научных сотрудников. На поколение от 40 до 50 (к нему принадлежу я сам) — значительно меньше, не более десятой части. Люди следующих поколений окажутся не только в численном меньшинстве, но еще и не будут обладать авторитетом прежнего поколения. Авторитетом, который отчасти защищает нас сегодня. Очень скоро мы окажемся в состоянии, когда нас будет значительно меньше. Заметно меньше останется и рычагов воздействия на инстанции, формирующие политику в области образования и науки.

Несмотря на в целом гармоничные отношения между поколениями в современной российской философии, время от времени замечаешь, насколько сильно разнятся подходы к организации и проведению научного исследования. Дело не только в воспоминаниях, давних привычных темах дискуссий и общих кумирах ушедшего времени, которые далеко не всегда находят отклик в умах более молодых. Следующие поколения более прагматичны, в чем-то даже более жестки и, во всяком случае, в большей степени ориентированы на то, что в философии называют «критикой». Тот, кто имел опыт работы в идеологически поляризованной среде, как будто выработывал в себе особый опыт: не-видения, не-замечания тех, кто этого в силу определенных причин не заслуживал. Людей, которые *недостойны* критики. Но ведь опасной была и публичная критика «равных

себе». Она могла навредить, повлечь за собой последствия слишком серьезные. Кроме того, ведущие ученые этого поколения обычно не тратят время на споры между собой. Вот так и получалось, что критическое отношение к публикациям коллег отнюдь не было хорошо налаженной практикой, которой мы могли научиться у наших старших коллег. В некоторых сегментах научной жизни она отсутствовала как факт.

Мы говорили о «диалоге» внутри поколений и между ними. А в обществе в целом? К сожалению, и здесь, в силу общей социальной ситуации в стране, критика минимизирована. Общество ее не особо приветствует. Довольно часто за нее выдают спортивное перекрикивание собеседника, осуществляемое в прайм-тайме по одному из центральных телевизионных каналов. Однако если практика конструктивной критики власти и бюрократии, различных проблем нашего общества отсутствует как феномен, то почему мы вдруг ожидаем, что она обнаружится в оазисе под названием «наука»? А если критика не очень принята в нашей научной жизни, к *чему именно* мы призываем, когда говорим о необходимости «оценки» научной деятельности? Разве возможна оценка без критического подхода? Не потому ли, подразумеваемая оценка, мы так часто говорим об *измерении* (результатов) научной деятельности?

Итак, оценка научной деятельности возможна только благодаря критическому подходу. Чиновники должны быть профессиональны в тех областях, которые предполагается оценивать, а уж для реорганизации науки в целом требуется квалификация, выходящая за пределы одной только лишь физики.

Необходимость оценки есть, она присутствует постоянно, однако поддаваться нажиму властей и в срочном порядке начинать этим заниматься — крайне опасно. Сейчас преследуется цель сократить количество ученых. Делается это несколькими способами: с помощью объединения академий, что в итоге приведет к вопросу о численности академиков; с помощью реорганизации и укрупнения университетов, например, создания т.н. федеральных университетов.

Н.П. Насколько хорошо вы осведомлены о реформах, происходящих сейчас в сфере управления наукой?

И.М. Я давно и пристально слежу за тем, что происходит. Похоже, что реформы — в частности закон об Академии наук — направлены на то, чтобы устранить те структуры, которые имеют наибольший авторитет и могли бы сказать своё слово при распределении средств на образование и науку. Академия была такой инстанцией, с ней были вынуждены считаться. Конечная цель в том, чтобы деньгами и на науку, и на образование можно было управлять, прислушиваясь к мнению тех «экспертных структур», голос которых покажется на тот или иной момент более слышимым. Большую свободу в распределении бюджета предоставит также перевод денег, выделяемых на науку, в разряд «конкурсного» финансирования. Претендовать на него сможет любой человек, вне зависимости от вуза или научного институ-

Кто украл пирожки? Судебный процесс над Валетом Червей. Иллюстрация Артура Рэксэма для книги «Алиса в стране чудес»

та, к которому он принадлежит. Фактически это может стимулировать размытие границ между существующими организациями. Откроются более широкие возможности элиминации учреждений, которые по каким-то причинам начали казаться лишними (их достаточно называть «неэффективными»). В конечном счете, эти преобразования будут связаны с сокращением количества занятых в соответствующей отрасли.

Дело не только в контроле бюджетными потоками. По своей финансовой привлекательности образование не так уж далеко отстоит от группы лидеров, к которой принадлежит торговля полезными ископаемыми или оружием. Образование необходимо *всем*, и если, как сейчас часто говорят, оно есть «услуга», то «услуге» этой соответствует наиболее широкая «клиентская база». Задавая те или иные ориентиры в образовании, можно добиваться весьма неплохих результатов.

Экспертная оценка — это своего рода дымовая завеса. В июне 2013-го реорганизация Российской академии наук мотивировалась тем, что финансирование науки со стороны государства «с каждым годом растёт», тогда как показатели результативности научных исследований «падают». Претензия была в том, что российская фундаментальная наука — в первую очередь академиче-

¹ Подобно тем, например, что предложены Комиссией общественного контроля в сфере науки. Ср.: Методика профессиональной оценки научных организаций. URL: <http://rascommission.ru/reports/86-otsenka>, а также: Проект перечня референтных групп научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения. URL: <http://rascommission.ru/refgroups>

Караваджо. Распятие апостола Петра. 1600 г.

ская — якобы неэффективны. Вот тогда-то речь впервые и зашла об экспертной оценке. МГУ и ещё одна частная компания, Pricewaterhouse Group, ещё в 2011 году подавали заявки на проведение такой оценки по тендеру Минобрнауки. Естественно, МГУ проиграл. Победившей компании было поручено техническое задание составить т.н. «Карту науки» (mapofscience.ru). Была разработана система, в которой предполагалось подсчитывать количество публикаций в журналах Scopus и Web of Science, ВАК, участие в диссертационных советах, членство в международных организациях и т.д. Обещали, что данные из журналов будут автоматически подгружаться. Говорили, что, как только система заработает, нас будут по ней оценивать. Структура аргументации была такой: российская наука должна быть на передовых линиях мировой науки, а если так, то почему наших журналов и публикаций нет в мировых базах данных? Так и получилось, что зарубежные публикации были взяты в качестве «критерия качества». В каких институтах они есть, значит, там люди хорошо работают.

С самого начала исключалась сама возможность участия научного сообщества в процедуре оценки, то есть то единственное, что всегда работает. Поскольку всё это начиналось с недоверия к науке, к университетам, к академии, постольку были предложены формальные принципы. Главной целью этого является прикры-

тие фактического дефолта в отношении образования и науки. Проблема-то в том, что на науку не хватает средств — слишком много съедает бюрократия. Признаться в этом государство не может, поскольку тогда оно должно было бы провести ревизию своих систем, собственного устройства. Но это процесс трудный и болезненный. Значительно проще, безопаснее упреждающим образом озвучить претензии в адрес науки и образования. Затем можно, в случае чего, объяснять беды экономики, переваливая с больной головы на здоровую: «Ну мы же предупреждали о проблемах в науке и образовании... все беды — отсюда».

Н.П. Эти реформы ухудшат или улучшат текущее положение дел?

И.М. Пока что реформы однозначно ухудшат положение дел. Но опять же, смотря для кого. Для чиновников они однозначно улучшат: если уменьшится количество научных институтов, сейчас их от 700 до 800, то сократится количество юридических лиц и для них будет меньше бумажной волокиты. Не значит, что ее будет меньше для нас. Эти «реформы» — не для улучшения науки, а для сокращения бюджетного бремени. Точно так же, как есть проблемы с пенсионной реформой, с ЖКХ — всё перекладывается на обычных людей.

Н.П. Затронули ли происходящие изменения Институт философии и конкретно ваш сектор?

И.М. Распорядок работы нашего сектора не изменился. Однако в целом условия для научной работы становятся хуже.

Н.П. А количественные показатели к вам применяются?

И.М. Ещё до реформ Минобрнауки в нашем институте были приняты определенные объемы печатной продукции, которые ожидалось от сотрудника в зависимости от его должности. Если эта норма перевыполнялась в 2 или 3 раза, ежемесячная заработная плата в следующем году увеличивалась в соответствии с определенным коэффициентом (1,25 или 1,5 от базового оклада). Стимулов писать *еще* больше, не предусматривали, и мне кажется, что это правильно. Кстати, учитывается при этом лишь то, что выходило в отчетном году под грифом Института философии. Чтобы получить этот гриф, нужно, чтобы работа была обсуждена в подразделении и прошла через утверждение Учёным советом.

Структурно наш Институт философии перемены пока не затронули, правда в декабре 2013-го года во всех подразделениях института, руководители которых были старше 65 лет, выбрали заведующих помоложе. Финансирование институтов бывшей РАН на 2015 год было уменьшено на 10 процентов (ввиду соответствующего уменьшения финансирования ФАНО). Критерии оценки у нас пока особо не изменились, ничего нового не введено. Оценивается количество публикаций, участие в конференциях, их организация, монографии считаются важным.

Н.П. Какая часть научного коллектива разделяет вашу точку зрения?

И.М. На реорганизацию Российской академии наук, начавшуюся в 2013 году, отреагировали в основном молодые сотрудники и считанные люди из старшего поколения. Молодых у нас где-то 25 процентов от общего числа сотрудников, поэтому за реформой в грубом приближении следило около трети. Сейчас это количество интересующихся я бы оценил как 5 процентов. И при этом только 1 процент понимает, что стоит за этой реформой, чем это грозит.

Н.П. Правильно ли, на ваш взгляд, устанавливать прямую зависимость между количественными показателями и сроком контракта сотрудника, его заработной платой?

И.М. Тут нет однозначного ответа. Как я уже говорил, от нас требуется определенное количество статей определенного объема. С этой точки зрения, количество *уже* имеет значение, то есть количественные показатели уже учитываются. Гораздо важнее говорить, какие цифры и показатели играют роль и в каких пределах они это делают. Играет ли публикация монографии роль? Да, играет. Но можно ли говорить, что если человек публиковал 1–2 монографии в год, то это хороший ученый, продуктивно работающий сотрудник? Может быть, да, но, может быть, и нет. Однако, тут же должна включаться экспертная оценка: не является ли это повтором уже опубликованного? В какой-то пропорции старый материал может входить в новую публикацию, однако определять инновативность и научное значение публикации необходимо всегда в пределах научного сообщества: изнутри лучше видно, как оценивать значение некоего труда для соответствующей области знания.

Н.П. Как следует оценивать педагогическую деятельность и уровень преподавания?

И.М. Хотя для научного сотрудника преподавание не является основным видом деятельности, занимаюсь я этим с 1996 года. Я бы сказал, что, помимо всех наиболее естественных критериев (подготовленность лекции, правильно выстроенная риторическая структура, продуманное соотношение лекции и семинаров, выбор материала), для меня важным является, чтобы этот автор был бы и специалистом в той области, о которой он рассказывает. Но что значит быть специалистом? Я подразумеваю человека, у которого есть исследовательские публикации по теме его курса. Причем не просто обзорные пересказы того, что и так можно встретить во вторичной литературе. Хотелось бы видеть хотя бы попытку предложить что-то новое, хотя бы для российского научного сообщества. Другой критерий хорошего преподавателя: принадлежит ли он к числу лучших в своей области? Этот вопрос более сложен. Ну, и конечно же, очень важна группа качеств, которую мы в совокупности называем педагогическим мастерством.

Н.П. Какие критерии в области истории современной западной философии указывают на высокий уровень исследователя?

И.М. Публикация монографий, которые либо открывают читателю некоторое совершенно новое направление в науке, предлагают новый взгляд на тради-

ционные философские проблемы. Также имеют значение — хотя и не свидетельствуют напрямую о качестве работы — имена тех, кто согласился выступить в качестве рецензентов издания. Далее значение имеет, есть ли у монографии гриф, если да, то какого заведения. Важно также, каким тиражом выходит книга. В последние несколько лет тиражи научной литературы не растут, а скорее падают. В немалой степени тому способствует распространение нелегальных копий в сети Интернет. Однако хорошая работа, даже если её тут же скопирует большое количество пиратских ресурсов, всё равно понадобится многим библиотекам. Довольно часто это побуждает издателей ориентироваться в первую очередь на работы классиков или переводную литературу.

Библиометрия становится в последние годы едва ли не важнейшим ориентиром лишь потому, что это единственная, пожалуй, возможность обойти необходимость учитывать мнение научного сообщества при оценке ученых. Мои формальные показатели таковы. Индекс Хирша на моих собственных статьях и книгах, в которых я выступал соавтором, равен 8 или 9 (14 по всем публикациям); цитирований — около пяти сотен. Если уж ориентироваться на количественные показатели, то необходимо, мне кажется, отдельный индекс, который учитывает цитирования работ, в которых ученый *единственный* автор. Точно так же и с переводами: произведение, перевод которых выполнен одним человеком или группой переводчиков, — совершенно разные жанры научной работы. Общее количество цитирований — да, оно имеет значение. Хотя на основании этого показателя нельзя делать однозначных выводов. К примеру, если речь идет об областях науки, которые не являются «модными» или в которых работает небольшое количество исследователей, цифры тут всегда будут заметно меньше.

Общее количество публикаций — важный показатель. Однако, как только он становится одним из критериев оценки, жди беды. У нас есть свои графоманы. Пожалуй, в философии их сложнее выявлять, чем в других науках. В последние годы много говорят о том, что у ученого непременно должны быть зарубежные публикации. Опять же, я не уверен, что это можно делать принципом для всех, кто работает в философии. Так, например, не обязательно этого следует ожидать от специалиста по русской философии или по социальной и политической теории. А если они есть, то должны оцениваться по более строгому критерию: является ли эта публикация действительно интересной и необходимой западному сообществу или же она представляет для него предмет лишь «этнографического» интереса («Философ Х. в России»)? Исследователей, чьи работы вызывают неподдельный интерес на Западе, у нас не так много. Следует помнить также, что философия относится к числу тех наук, которые являются в значительной мере национальными. Критерии оценки по-разному приложимы к различным областям философии.

Ориентироваться на присутствие отечественных работ (и их цитирований) лишь в двух базах (Web of Science и Scopus) представляется мне крайне неразумным. Дело не только в том, что есть много других баз, которые могли бы использоваться. Мне известно немало изданий — журналов и серий книг, — которые, хотя и не входят, в какую-либо из упомянутых баз данных, но могут быть при этом все же достаточно авторитетными, иногда — лучшими в своем жанре (Heidegger Studies, Heidegger-Jahrbuch, Phänomenologische Forschungen и многие другие). Повторюсь: статистические данные, конечно, важны. Однако они должны использоваться лишь как дополнение к мнению специалистов в соответствующей области.

Н.П. Какой вид публикаций вы бы назвали наиболее значимым?

И.М. Повторюсь, монографию я считаю наиболее важным видом публикации. Затем, особенно для современной стадии развития отечественной философии, важны обобщающие труды справочно-энциклопедического, или даже учебного типа. Энциклопедические издания всегда важны. Это чаще всего серьезное научное достижение. Исследовательские статьи в периодической печати — важный сегмент научных исследований. Однако в российской философии не всегда точно определены различные жанры научных статей, а также минимальный объем, позволяющий назвать работу научной публикацией. Что же касается статей в сборниках конференций, то сегодня они заслуживают наиболее пристального внимания как та область, где халтура может проявляться в наибольшей степени.

Н.П. Есть ли в вашей области исследования особенности принципов цитирования?

И.М. Да. В первую очередь надо сказать, что у нас нет принуждения к цитированию. У нас можно обойти молчанием. Это в естественных науках нельзя не учитывать — а значит не опираться в своих исследованиях, не цитировать — то, что в твоей области исследований доказано как открытие. В общественных же науках собственно «открытий», т.е. данностей, не зависящих от контекста, эпохи, той или иной позиции наблюдателя, не существует. Учитывать это обстоятельство начали не более двух с половиной веков тому назад, но чаще всего воспринимали как недостаток этой группы наук, и в разные времена критиковали в качестве «историцизма», «психологизма», «релятивизма» и т.д. (известны, впрочем, и попытки осмысления этого феномена как позитивного: Фр. Ницше говорил о «перспективизме», П. Рикёр — о «конфликте интерпретаций». Г.-Г. Гадамер отмечал, что, понимая нечто в мире человека и его культуры, мы всегда понимаем это «иначе»).

А потом, само цитирование как социально-научный феномен до сих пор недостаточно исследовано. Ориентация на Scopus и Web of Science исходит из нескольких непроверенных посылок. С одной стороны, не учитывается экономический фактор — структура и распределённость издательской сети, покупательная способность населения, количество библиотек и т.д. С другой

стороны, не учитывается количество исследователей по каждому из направлений. Только когда этих исследователей по каждой из областей больше двух, только тогда возможно цитирование и какая-то критика. Кроме того, кто сказал, что интерес к чужому труду свойственен каждому учёному? Это далеко не так. Скорее, подобный интерес — определенное свойство, установка сознания. Я называю его «открытостью». У кого хватает сил откликаться на все публикации коллег? Чем больше настойчиво настаивают на методах оценки в соответствии с библиометрией, тем меньше таких людей становится. Любой предпочтет больше публиковаться сам, нежели откликаться и комментировать работы коллег. Если читать других, то не будешь писать сам.

Н.П. Следует ли публикации на иностранном языке оценивать выше, чем на русском?

И.М. Нет, не думаю. Необходимо сменить оптику в оценке эффективности и результативности научной деятельности. Сейчас всё исходит из того, что, во-первых, есть некая группа стран, которые воплощают наиболее ярко в себе все стандарты научности. Во-вторых, полагают, будто есть какая-то инстанция, которая имеет на это право, и что оценка должна проводиться в одностороннем порядке. Здесь стоило бы учесть две вещи. Во-первых, процесс оценивания должен быть обоюдным, то есть я готов, чтобы меня оценивали, но считаю, что принцип оценки должен быть дифференцированным. У исследователя должно быть право сказать: «Знаете, мне плевать, ваковское это издание или нет. Вот моя работа, и я считаю ее достойной. Ее публикация удовлетворяет всем требованиям научной публичности. Оценивайте саму работу!». Должен быть механизм оценивания, не связанный с конкурсами, не связанный с подачей на грант, не связанный с гонкой за должностями. Всякий раз должны быть ясно и отчетливо сформулированы цели каждой конкретной такой процедуры оценки. Ставится ли задача оптимизации (сокращения) штатов, или же выбора приоритетных направлений *дополнительного* финансирования. С другой же стороны, нужно учитывать, претендует ли сам сотрудник, которого собираются оценивать, на какое-либо повышение своего статуса. Готов ли он что-то доказывать или отстаивать. По сути, именно такими актами являются процедуры защиты ученых степеней: ученого оценивают в ответ на выдвинутое им притязание (стать кандидатом или доктором наук). Пока же нам предлагают в основном серии односторонних процедур: кто-то, сформулировав какие-то правила, посмотрит твои данные и примет какое-то решение. Никакого элемента публичности, столь необходимого для такой процедуры, здесь не предусмотрено. Надо думать, как сделать такую оценку публичной, как предусмотреть встречные претензии на ту или иную позицию, и как делать, чтобы процесс не был односторонним.

Н.П. Насколько хорошо зарубежные коллеги знакомы с достижениями российских исследователей истории западной философии?

Гёте-институт в Москве. Фотография Артёма Голощапова

И.М. Наши некоторые частные новации в современной философии, конечно, известны за рубежом недостаточно хорошо. Нужно писать по-английски или по-немецки, чтобы с этими результатами знакомилась. В современной западной философии зарубежных специалистов мало, чем можно удивить.

Н.П. Есть ли у вас какие-то соображения насчёт того, какие меры следовало бы принимать для того, чтобы российская наука была лучше известна за рубежом?

И.М. Надо, чтобы страна в мире вызвала в первую очередь симпатию и интерес. С этим в последнее время, будем говорить честно, совсем непросто. Нужно, чтобы язык был интересен в мире, а для этого необходимо, на протяжении достаточно заметного промежутка времени (не последних 3–5 лет только) вкладывать в это деньги. Надо было открывать в разных странах институты для изучения русского языка, как делают это немцы с Гёте-институтом (сколько таких центров русского языка осталось сегодня по всему миру?). Надо приглашать туда студентов, давать им стипендии. Но если бы государство начало бы сегодня такую политику, то это было бы скандалом. У нас на своих профессоров и студентов денег не хватает. Итак, чтобы наша культура и наука были лучше известны за рубежом и чтобы к ним относились с симпатией, совершенно недостаточно постоянно выезжать на Достоевском и Толстом.

Как ни странно, российская наука будет больше известна, когда наши ученые будут чаще выезжать за ру-

беж. Нужно финансировать науку, в противном случае она станет известна, но уже не в связи с Россией.

Н.П. Как вы оцениваете уровень научных исследований по истории философии в современной России по сравнению с зарубежными исследованиями?

И.М. Чуть выше среднего уровня, на мой взгляд. Вообще средний уровень — это проблема. Ведь как определить, что это такое? Входят ли в «средний уровень» Румыния, Польша, Китай, Турция или страны Центральной Африки? Если да, то это одна картина. Или в определении уровня планки участвуют только Оксфорд, Берлин, Мюнхен и т.д.? Но почему тогда не другие? Я бы оценил на своём примере так. Занимаясь немецкой философией XIX–XX вв., я предполагаю, что мое знание немецкой философии все-таки ниже среднего уровня знания немцами *своей собственной*. А замечая, как иногда свободны в обращении с материалом французцы, я вполне могу утверждать, что мой уровень — в *некоторых* областях! — выше «среднего французского». Однако все это пустые догадки, пока не определена точка отсчета пресловутого «уровня».

Н.П. Какие российские журналы по философии вы назвали бы среди наиболее качественных?

И.М. «Вопросы философии» — качественный журнал. Этому изданию удалось наладить ежемесячный выпуск научных публикаций; в каждом номере мы найдем грамотные и интересные статьи. Всё лучше

Якопо де Барбари. Портрет Луки Пачоли и неизвестного юноши, 1500 г.

становится, приобретает свое «лицо» издаваемый в нашем институте «Философский журнал». Интересные статьи публикует также «Вестник МГУ. Серия 7. Философия». «Логос» неплохой журнал, но он переоценен, на мой взгляд.

Есть еще группа журналов, которые начали выходить сравнительно недавно. Они интересны, публикуют качественные материалы (к примеру, *Einaï*, или журнал *Horizon*). Однако сумеют ли сохранить заявленный уровень через год-два или более длительный промежуток времени — вопрос пока неясный.

Н.П. Как вы считаете, является ли сегодня профессия учёного престижной? Каков статус учёного в обществе — высокий или низкий?

И.М. Мы имеем дело с примечательной асимметрией: профессию *ученого* вряд ли можно назвать сегодня

престижной — однако престиж *самой науки* остается при этом довольно высоким, распространяясь на формально-статусные вещи, сопровождающие науку: ученые звания и степени. Стать доктором наук или академиком стремятся даже люди, далекие от науки.

Статус ученого падает сейчас в силу самых различных причин. Не только финансово-экономических (зарплата и проч.). Когда началась реорганизация РАН, я обратил внимание, что высокий уровень доверия, которым пользовалась наука еще с советских времен, часто заставлял общество ожидать от ученых решения тех вопросов, которые никак не входили в сферу их компетенции. От учёных стали ожидать того, чего не делают наши политики. Конечно, переносимое из других областей недовольство только усиливалось, когда становилось ясно, что наука не может заменить

собой других структур общества. Кроме того, негативное отношение к учёным подпитывалось из-за антирекламы, которую обеспечивал Минобрнауки при прежнем министре.

Н.П. Воспринимают ли в обществе гуманитариев как учёных?

И.М. Косвенно реформы РАН способствовали установлению более тесных связей между различными областями знания. Мне кажется, что теперь наши коллеги из различных областей естествознания лучше понимают специфику работы гуманитария. Разумеется, верно и обратное. Но это в среде учёных. А в обществе гуманитариев, в особенности философов, воспринимают как представителей ни к чему не обязывающей и ни для чего не полезной болтовни. Но здесь мы имеем дело с давней проблемой восприятия философии в обществе. Это отношение довольно часто балансирует на грани между увлеченностью и любовью и антипатией².

Н.П. Должны ли гуманитарии нести ответственность перед обществом?

И.М. Да, должны. Из моего опыта: публикация научной литературы, организация научных конференций³; участие в митингах в поддержку науки. Вместе с моими коллегами, П.А. Гаджикурбановой и А.Ф. Яковлевой мы организовали работу по составлению т.н. «рубрикатора» философии⁴. Это было очень большой и сложной работой. Одной из целей этого документа было разграничение областей, в которых работают современная российская философия. Это необходимо не только для подбора экспертов — чтобы, к примеру, человек, известный своими работами в области философии культуры, не пытался выступить в качестве эксперта коллективов, занятых проблемами теории познания, — но и для легитимации многих областей, в которых работает современная философия. При всех исправлениях и дополнениях, которые, несомненно, последуют, мы провели важную работу. Многие классификации советского времени, которые порой используются и по сегодняшний день (напр., ГРНТИ⁵), безнадежно устарели.

Н.П. Проявляет ли общество интерес к истории философии?

И.М. Проявляет постоянно. Оно, может, и не знает того, однако люди самых разных профессий пользуются продуктами историков философии либо в форме популярных статей, либо в форме переводов классиков. Читают Ницше, Киркегора. Очень любят популярные серии вроде «Философия за 5 минут». Сейчас довольно распространено мнение, что основные навыки фило-

софской культуры можно приобрести самостоятельно. Исключительно методом самообразования. Послушав видеолекции или почитав тексты, выложенные в Интернет. Конечно, это иллюзия. Но очень живучая.

Н.П. Влияют ли проблемы современного общества на проблематику ваших исследований?

И.М. Да. Например, Хоркхаймер стал один из таких выборов. В 2007–2008 гг. я увидел, что многое из того, что обсуждалось этим мыслителем, переживается нами сегодня. Мои следующие публикации будут связаны с философией науки и отчасти с темой нашего сегодняшнего разговора.

Н.П. Чувствуете ли вы свой труд востребованным обществом? А властью?

И.М. Властью — нет. Я уже высказывал подозрение, что цель власти заключается, в основном в сокращении бюджетных обязательств. Достичь эту цель проще всего на пути реорганизаций, слияния-объединения, переименования (с сопутствующей реорганизацией юридического лица), а в первую очередь — сокращения кадров как в области высшего образования, так и в фундаментальной науке. Много свидетельствует, что могут планировать постепенную замену наших специалистов зарубежными. Вы, наверное, знаете, что во многих вузах отдельные курсы требуют теперь читать на английском языке: в ряде случаев это философские курсы, например, по логике, теории познания. Лет через пять, если человек не захочет преподавать так, как требуется, ему тут же найдут замену. Это лишь предположение. За рубежом ведь тоже безработица, и если подключить к ней нашу российскую, то можно делать сказочные вещи. По крайней мере, если бы передо мной стояла цель улучшить административные ресурсы и сократить возможность волнений, особенно среди профессорско-преподавательского состава, я бы действовал именно в этом направлении. Обществом философия, наверно, востребована, но, как я уже говорил, оно не всегда это осознает.

Н.П. Какие меры сегодня следовало бы принимать для поднятия престижа российской гуманитарной науки?

И.М. Боюсь, престиж так быстро не поднять. Нужна иная политика, причем на протяжении нескольких лет. Необходимо также постоянство этой политики. Чего говорить о науке, если пенсионную реформу проводили уже раза четыре? Пока нет оснований считать, что улучшение гуманитарных наук является одной из приоритетных целей государственной политики⁶.

á

² Рекомендую обратить внимание на один из материалов, посвященных данной проблеме: Гусейнов А.А. Почему не любят философию и философов? <http://iphras.ru/page23439754.htm>

³ Конференция научных работников. Первая, вторая и третья сессии. <http://rasconference.ru/>

⁴ Комиссия общественного контроля в сфере науки: Единый научный Рубрикатор. <http://rascommission.ru/rubricator> (краткая форма). См. также полную форму: http://rascommission.ru/images/docs/rubrikator/Rubricator_Philosophy_Oct17.pdf

⁵ Государственный рубрикатор научно-технической информации. <http://grnti.ru/>

⁶ Ср.: Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. 7 июля 2011 года. <http://kremlin.ru/supplement/987>

АВТОРЫ

Богатов Михаил Александрович — кандидат философских наук, доцент философского факультета НИУ «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Бурькина Александра Павловна — преподаватель отделения культурологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Воропай Людмила — арт-критик, доктор философии (PhD), преподаватель Берлинского университета искусств и Университета Баухаус в Веймаре (Германия).

Давидович Драгомир (Сербия) — физик, профессор Белградского университета, сотрудник Института ядерных исследований «Винча».

Егоров Сергей Юрьевич — доктор биологических наук, профессор факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, проректор — начальник управления Программой развития МГУ имени М.В. Ломоносова.

Зенкин Сергей Николаевич — литературовед, переводчик, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований РГГУ.

Кильдюшов Олег Васильевич — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ «Высшая школа экономики», научный координатор Центра социальной теории и политической антропологии имени Н.Н. Козловой при философском факультете РГГУ, член редколлегии журнала «Сократ».

Козырев Алексей Павлович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заместитель декана по научной работе, главный редактор журнала «Сократ».

Костылев Павел Николаевич — старший преподаватель кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Куланов Александр Евгеньевич — российский востоковед, историк, писатель.

Миронов Владимир Васильевич — член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, член редакционного совета журнала «Сократ».

Миронова Дагмар Валли Грета — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

Михайлов Игорь Анатольевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН.

Михайловский Александр Владиславович — кандидат философских наук, доцент факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики», член редколлегии журнала «Сократ».

Оносов Александр Аркадьевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Паршин Алексей Николаевич — академик РАН, доктор физико-математических наук, заведующий отделом алгебры Математического института им. В. А. Стеклова.

Пеньяфлор Расторгуева Нина Вальтеровна — аспирант кафедры истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Савина Наталья Евгеньевна — научный сотрудник философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сидорова Василина Викторовна — аналитик исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Туманов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Филиппов Игорь Святославович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Хориэ Хироюки (Япония) — историк русской философии, журналист.

Шиповалова Лада Александровна — доктор философских наук, доцент Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

Шмид Анна-Франсуаза (Франция) — руководитель научными исследованиями в INSA (Национальный институт прикладных исследований, Лион). Сотрудник лаборатории UMR Национального центра научных исследований (CNRS) 7117 «Архив Пуанкаре» Университета Нанси-2.

Щипков Николай Александрович — студент отделения культурологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.